

DOI: 10.31857/S013038640015105-3

© 2021 г. **О.В. ХАВАНОВА**

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ БАРОНА А.С. СТРОГАНОВА В ВЕНУ (1761 год): ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Хаванова Ольга Владимировна — заместитель директора Института славяноведения РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитного государства Центральной Европы», № 19-59-23005.

E-mail: austrian.centre.inslav@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7694-5292; Scopus Author ID: 57194105806; Researcher ID: AAG-7276-2020

Аннотация. Статья написана на материалах российских и австрийских архивов и посвящена малоизвестным обстоятельствам подготовки и ходу дипломатической миссии барона А.С. Строганова в Вену в 1761 г. с поздравлением по случаю бракосочетания наследника престола эрцгерцога Иосифа и Изабеллы Пармской. Посольство рассматривается в контексте символической коммуникации между Санкт-Петербургом и Веной. Оно подчеркивало особо дружественный характер взаимоотношений двух династий и двух дворов, не только объединенных межгосударственным договором и членством в антипрусском альянсе в годы Семилетней войны, но состоявших в символическом родстве через институт восприимчивости. Во главе посольства был поставлен А.С. Строганов — молодой аристократ без должного опыта в сфере международных отношений и в скромном придворном чине камер-юнкера. Назначение, по-видимому, объяснялось родством с канцлером М.И. Воронцовым. Его дочь Анна официально сопровождала мужа в поездке. Римско-императорский посол в Санкт-Петербурге граф Н. Эстерхази приложил немало усилий, чтобы сгладить неловкость и найти для молодой четы благорасположенных покровителей. Европейская образованность и исключительные личные качества посла позволили Строганову с честью выполнить поручение и в награду получить от императора Франца I титул графа Священной Римской империи. Посольство стало последней яркой страницей в истории взаимоотношений Санкт-Петербурга и Вены в канун разрыва двусторонних отношений и выхода России в 1762 г. из Семилетней войны.

Ключевые слова: российско-австрийские дипломатические отношения, Семилетняя война, граф Николаус Эстерхази, придворный церемониал.

O.V. Khavanova

Baron Alexander Stroganov's Mission to Vienna (1761): Dynastic Policy and Symbolic Communication

Olga Khavanova, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

The article was prepared within the framework of the RFBR project "The Habsburg Monarchy: new directions in the study of the economic, socio-political and national development of the composite state of Central Europe", № 19-59-23005.

E-mail: austrian.centre.inslav@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7694-5292; Scopus Author ID: 57194105806; Researcher ID: AAG-7276-2020

Abstract. The article is based on the materials from Russian and Austrian archives and devoted to lesser-known circumstances of the preparation and course of the 1761 diplomatic mission of Baron A.S. Stroganov to Vienna on the occasion of the wedding of the heir to the throne, Archduke Joseph, with Isabella of Parma. The embassy is considered in the context of symbolic communication through ceremonial gestures between St. Petersburg and Vienna. It emphasised the particularly friendly nature of the relationship between the two dynasties and two courts, not only united by a bilateral treaty and membership in the anti-Prussian alliance during the Seven Years War but also symbolically through gossip. Alexander Stroganov was a young aristocrat without proper experience in the field of diplomacy and of the modest court rank of Kammer-Junker. The appointment was explained by his kinship with Chancellor Mikhail Vorontsov whose daughter Anna officially accompanied her husband on the trip. The imperial ambassador to St. Petersburg Count Nicolaus Esterházy spared no effort to smooth over the awkwardness and find benevolent patrons for the young couple in Vienna. European education and the exceptional personal qualities of the ambassador allowed Alexander Stroganov to fulfil the commission with honour and receive the title of a Count of the Holy Roman Empire from Emperor Francis I as a reward. The embassy became the last page in the history of relations between St. Petersburg and Vienna on the eve of the break of bilateral relations and Russia's withdrawal from the Seven Years War in 1762.

Keywords: bilateral relations, Russian Empire, Austria, Seven Years War, Nicolaus Esterházy, court ceremony.

Санкт-Петербург и Вена заключили первый межгосударственный договор в 1726 г. и с тех пор считались идеальными союзниками: у них не было территориальных претензий друг к другу и их объединяли общие враги — Османская империя и с 1746 г. — Пруссия. И все-таки различия политических культур, в том числе в сфере дипломатии, не раз приводили к тому, что союз разрывался, как в 1743 или 1762 г., чтобы через некоторое время возобновиться вновь. Семилетняя война (1756—1763 гг.) стала для союзных дворов очередным испытанием на прочность. В стремлении одержать победу над общим врагом Санкт-Петербург и Вена закрывали глаза на тактические разногласия, сглаживали недоразумения, всячески демонстрировали особый характер отношений, связывавших две династии и два двора¹. Совместные боевые действия стали поводом для обмена поздравительными монаршими грамотами и делегациями военачальников, которые не только в личных переговорах с командованием союзника уточняли характер предстоящих боевых действий, но и бывали приняты при дворе, знакомились с местным придворным обществом². Не прекратилась и практика направления дипломатических миссий, свидетельствовавших об особой близости двух династий, состоявших через институт восприимчивости в духовно-родственных отношениях³. В статье реконструируются детали миссии барона А.С. Строганова в Вену в начале 1761 г. по случаю бракосочетания кронпринца Иосифа, будущего императора Иосифа II (1765/1780—1790), и герцогини Изабеллы Пармской (1741—1763) в контексте традиции взаимоотношений союзных династий и дворов.

Барон Александр Сергеевич Строганов (1733—1811) оставил заметный след в российской истории как видный деятель екатерининского правления: сенатор, обер-камергер, действительный тайный советник, президент Императорской академии художеств⁴.

¹ Уместно напомнить о масштабных празднованиях по случаю рождения наследника российского престола цесаревича Павла Петровича (1754—1801), проходивших в двух столицах в канун Семилетней войны, с конца осени 1754 г. до лета 1755 г. См.: *Хаванова О.В.* Рождение цесаревича Павла Петровича и символическая коммуникация между Санкт-Петербургом и венским дворами // *Человек на Балканах. Сборник памяти А.Л. Шемякина (1960—2018)* / отв. ред. А.А. Силкин. М. — СПб., 2020. С. 51—68.

² Подробнее см.: *Хаванова О.В.* Цена альянса: австрийская дипломатия и русский двор в годы Семилетней войны // *Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания XVIII—XX вв.* / отв. ред. М.Ц. Арзаканян. М., 2017. С. 109—121.

³ Елизавета Петровна была крестной матерью эрцгерцога Петра Леопольда, будущего императора Леопольда II, императорская чета Мария Терезия и Франц I — крестными родителями будущего императора Павла I.

⁴ См.: *Курочкин А.Е.* Строгановы в XVIII веке: учебное пособие. М., 2009.

На момент отъезда в Вену в качестве чрезвычайного посла русского двора ему едва исполнилось 28 лет, он недавно вернулся на родину после длительного пребывания в Европе⁵. Несколькоими годами ранее с извещением о рождении наследника российского престола в Вене побывал барон Карл Ефимович Сиверс (1710–1775). Завершив миссию, он продолжил путешествие по Европе уже как частное лицо и в одном из писем к барону Сергею Григорьевичу Строганову (1707–1756) сообщал, что некоторое время гостил в Венеции у его сына: «Онный сын ваш весьма искусным себя учинил как в немецком и французском, так и в итальянском языке, на котором он для меня и толмачит». И далее: «Вы не поверите, какое для меня удовольствие, что мне в вояже своем случилось видеть достойного вашего сына»⁶. Тогда молодой русский аристократ вряд ли мог подумать, что спустя шесть лет сам отправится в Вену с подобным поручением.

В годы Семилетней войны Священную Римскую империю и Австрийский дом в Санкт-Петербурге представлял венгерский граф Николаус (Миклош) Эстерхази (1711–1764). До прибытия в Россию этот карьерный дипломат имел за плечами опыт службы в Дрездене и Мадриде, не раз пересекал континент, выполняя ответственные поручения, подобные тому, с которого началась его служба по внешнеполитическому ведомству, — вручению британскому королю Георгу II нотификации о рождении у Марии Терезии и Франца Лотарингского сына — эрцгерцога Иосифа (1741 г.). Стараниями венгерского графа Саксония в войне за Австрийское наследство (1740–1748) выступала на стороне Габсбургов, ему же по окончании общеевропейского вооруженного конфликта было поручено восстановить добрые отношения с мадридским двором, и только болезнь не позволила довести дело до конца. Должность посла при Санкт-петербургском дворе досталась Эстерхази, можно сказать, случайно. В 1753 г. он должен был отправиться послом в Лондон, но имперский вице-канцлер Рудольф Йозеф Коллоредо (1706–1788)⁷, желая «спасти» родного брата от миссии в Россию, устроил так, что послом в Великобританию назначили Карла Людвига Коллоредо (1698–1767), а в Санкт-Петербург — после торжественного обещания императрицы отозвать его в Вену через три года — Николауса Эстерхази.

Пребывание в России растянулось на долгие восемь лет: на третьем году началась Семилетняя война⁸, и Эстерхази остался в суровом климате и при чуждом ему своими нравами и обычаями дворе, чтобы обеспечить взаимодействие союзных держав до заключения победного мира. Вена хотела видеть в Санкт-Петербурге опытного человека, пользующегося доверием императрицы Елизаветы Петровны и ее ближайшего окружения. К тому же путешествие через театры военных действий было полно опасностей, а временами просто невозможно. На восьмом году в Санкт-Петербурге граф Эстерхази чувствовал себя уверенно. Его прежний недоброжелатель — канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) в результате придворной интриги в 1758 г. был лишен должности и отправлен в ссылку⁹.

⁵ О влиянии, которое на А.С. Строганова произвели годы, проведенные во Франции, см.: Соловьев В.А. Франкофилия в семье графа Александра Сергеевича Строганова: космополитизм и национальное самосознание русской аристократии эпохи Просвещения // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 3. С. 311–321.

⁶ К.Е. Сиверс — С.Г. Строганову, Венеция, 28 января (8 февраля) 1755 г. Цит. по: Писаренко К.А. Из семейной хроники рода Строгановых // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XIV. М., 2005. С. 65.

⁷ Об этом пишет оберст-гофмейстер И.И. Кевенхюллер-Метч в своем дневнике. См.: *Aus der Zeit Maria Theresias. Tagebuch Fürsten Johann Josef Khevenhüller-Metsch, Kaiserlichen Obersthofmeister 1742–1776. Bd. 3. 1752–1755 / hrsg. von R. Khevenhüller, H. Schlitter. Wien — Leipzig, 1910. S. 89.*

⁸ См., например: Шепкин Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758 гг. СПб., 1902; Szabo F.A.J. The Seven Years War in Europe, 1756–1763. London, 2008; Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014.

⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23. 1749–1761. М., 2003. С. 589; Анисимов М.Ю. Российский дипломат А.П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192.

Пришедший ему на смену Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767) испытывал к венгерскому аристократу расположение и личную симпатию. Влиятельный член придворной партии Шуваловых — фактический глава правительства граф Петр Иванович Шувалов (1711–1762) — активно продвигал в австрийскую армию созданные при его непосредственном участии пушки «единорог» и искал благосклонности венского двора для сына Андрея (1744–1789) — в будущем вельможи екатерининского правления. Николаус Эстерхази посредничал в раздаче имперских графских титулов¹⁰, орденов и подарков русским царедворцам, а в ходе подготовки трехстороннего соглашения между Веной, Версалем и Санкт-Петербургом не побоялся — дабы вовлечь Россию в сложную систему международных договоров, направленных против Пруссии, — превзойти служебные полномочия и сообщить о согласии своего двора на выдвигаемые условия еще до того, как было получено официальное на то разрешение¹¹.

В ноябре 1760 г. к русскому двору прибыл генерал-майор Антон Иоганн Непомук Гамильтон (1722–1776) с известительной грамотой, что наследник престола эрцгерцог Иосиф женился на дочери герцога Пармского Изабелле¹². Важную роль в подготовке ответного визита русского двора довелось сыграть графу Эстерхази. Его, как австрийского посла, беспокоил вопрос, чтобы из Санкт-Петербурга в Вену отправился эмиссар, ни в чем не уступающий генералу Гамильтону, потому что — окажись глава российской делегации ниже чином, скромнее званием или происхождением — все это было бы истолковано как знак недостаточного уважения.

Вскоре стало известно, что выбор Елизаветы Петровны пал на молодого барона Строганова. Помимо его образованности, опыта проживания за границей (откуда он спешно вернулся в 1756 г., получив известие о кончине отца), определенную роль могло сыграть и то обстоятельство, что барон был женат на Анне Михайловне Воронцовой (1743–1769) — единственной дочери канцлера Воронцова, доводившейся по матери, Анне Карловне Скавронской (1722–1776), двоюродной племянницей русской самодержице. В молодости Анна Карловна путешествовала с мужем в Европе и, по-видимому, желала, чтобы и дочь ее приобрела опыт пребывания за границей¹³. Сам Александр Сергеевич тоже некоторым образом состоял в родстве с императрицей: кузен Елизаветы Петровны — Мартын Карлович Скавронский (1714–1776) был женат на двоюродной сестре молодого Строганова — Марии Николаевне (1732–1805). Как писал Н.М. Колмаков, родство Строгановых «сознавали гласно императрицы Елизавета и Екатерина II»¹⁴.

¹⁰ См.: *Frank K.F.* Standeserhebungen und Gnadenakte für das Deutsche Reich und die Österreichischen Erblande bis 1806 sowie kaiserlich österreichische bis 1823 mit einigen Nachträgen zum „Alt-Österreichischen Adels-Lexikon“ 1823–1918. 5 Bde. Schloss Senftenegg, 1967–1974.

¹¹ Речь идет о трактате оборонительного союза между Россией и Австрией, на тексте которого посол Эстерхази 21 марта (1 апреля) 1760 г. поставил свою подпись, не имея на то дозволения венского двора. Поскольку риск оказался оправданным, Мария Терезия с небольшими изменениями одобрила шаг своего дипломата и простила превышение полномочий. См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. Т. 1. Трактаты с Австрией. 1648–1762. СПб., 1874. С. 270–271. Копию рескрипта «провинившемуся» дипломату от 24 мая 1754 г. см.: Österreichisches Staatsarchiv. Wien. Haus-, Hof und Staatsarchiv. Staatenabteilungen (далее — ÖStA. HHStA. StA). Russland II. Kt. 166. Expedition nach Russland 1760. Fol. 192r–207r.

¹² Об этом см.: Н. Эстерхази — Р.И. Коллоредо, Санкт-Петербург, 7 декабря 1760 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 37. Russica 1760. Fol. 213r.

¹³ «Ты теперь всему свидетель, что я тебе правду всегда говорила и описывала тамошних людей», — писала Анна Карловна дочери 3 мая 1761 г. См.: Из писем графа Михаила Илларионовича и графини Анны Карловны Воронцовых к дочери их баронессе Анне Михайловне Строгановой в время путешествия ее за границей в 1761 году // Архив князя Воронцова: в 40 т. / сост. П.И. Бар-тенева. Т. 4. М., 1872. С. 466 (далее — Из писем).

¹⁴ *Колмаков Н.М.* Дом и фамилия графов Строгановых, 1752–1887 // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 582.

По иронии судьбы, несколькими годами ранее слуга-француз графа Эстерхази чуть было не стал причиной гибели молодого Строганова, когда в начале декабря 1759 г., прихватив с собой пистолет, отправился кататься на саних по ночному Петербургу в компании еще одного француза. На повороте они едва не столкнулись с мчавшимися им навстречу саними и в панике открыли беспорядочную стрельбу. К счастью, никто не пострадал, иначе Российская империя могла лишиться двух своих блестящих государственных мужей — А.С. Строганова и А.П. Шувалова. Скандал был замят, незадачливый француз спешно выслан из России¹⁵.

У кандидата был только один, но существенный в глазах австрийского посла недостаток: он носил звание камер-юнкера, в то время как при венском дворе не было такого титула и там резонно хотели видеть камергера русского двора. У такого ожидания были веские основания: генерал граф Гамильтон имел чин камергера, и прислать с ответным визитом камер-юнкера значило символически принизить повод визита (бракосочетание наследника) и обречь посла Елизаветы Петровны на прием, положенный нижним чинам в придворной иерархии. Российская сторона не первый раз посылала обласканных двором, но не имевших высоких рангов молодых аристократов в составе посольств. В 1754 г. в Вене в свите камергера барона Сиверса побывал молодой граф Петр Александрович Бутурлин (1734—1787), который на тот момент не имел даже чина камер-юнкера. В отличие от Строганова, он не стоял во главе посольства и даже не упоминался на страницах придворной газеты «Wienerisches Diarium». Посол Генрих Карл Кейзерлинг (1697—1764) доносил в Санкт-Петербург: «Вашего императорского величества высочайший рескрипт под № 23 о поручике гвардии Семеновского полка Петре Бутурлине я исполнить не преминул. Оной не токмо обоим их римским императорским величествам мною представлен, но и в знатнейших домах ему знакомство доставлено. Тако ж ему от особ первого ранга и достоинства приглашениями и другими учтивостями повсюду много почтения оказывается. И так при обхождении его, здешнее пребывание ему в получении знания о здешних знатных фамилиях весьма полезно будет»¹⁶. Это был бесценный опыт, пригодившийся затем Бутурлину на должности российского посла в Мадриде¹⁷.

О своих опасениях относительно ранга предполагаемого посла Эстерхази в доверительных беседах недвусмысленно дал понять и канцлеру Воронцову, и фавориту императрицы Ивану Ивановичу Шувалову (1727—1797). Австрийский посол предположил, что Елизавета Петровна могла бы без промедления дать Строганову искомый титул, тем самым устранив самое чувствительное неудобство. Однако соперничество разных партий при дворе исключало такое развитие событий. В очереди на присвоение титула камергера было три молодых камер-юнкера, одним из них — самым младшим (следовательно, последним в очереди) — был А.С. Строганов. Но поскольку И.И. Шувалов испытывал неприязнь к одному из кандидатов — тому самому графу Бутурлину, и здесь, по мнению Эстерхази, не обошлось без их соперничества за благосклонность молодой и ветреной супруги Строганова — Анны¹⁸, было маловероятно, что последуют какие-либо назначения¹⁹. После этого венгерский граф сосредоточился на том, чтобы убедить венский двор:

¹⁵ Н. Эстерхази — В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 4 декабря 1759 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 42. Berichte. Fol. 81v.

¹⁶ Г.К. Кейзерлинг — Елизавете Петровне, Вена, 31 декабря 1754 г. (11 января 1755 г.) // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 32. Сношения с Австрией. Оп. 1. Д. 4а. Л. 23 об. (цитируется в переводе, выполненном в Коллегии иностранных дел).

¹⁷ Подробнее см.: *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. М., 2011. С. 245—269.

¹⁸ Н.М. Колмаков, рассуждая о браке Строганова с Воронцовой, вынужденно признавал: «Нравы второй половины XVIII в. исключали возможность супругам упрекать друг друга в легкости поведения». См.: *Колмаков Н.М.* Указ. соч. С. 592.

¹⁹ Н. Эстерхази — Р.Й. Коллоредо, Санкт-Петербург, 14 января 1761 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Russica 1761. Jänner — Juni. Fol. 6r.

приезд русского посла в столь скромном звании не должен расцениваться как знак неуважения к союзнику. По имевшейся у Эстерхази информации, 19 (29) апреля должно было состояться назначение новых камергеров, в их числе — к тому времени уже прибывшего к венскому двору барона Строганова, но по какой-то причине (возможно, из-за нездоровья императрицы) церемония была отменена²⁰.

Помимо формальной стороны дела, австрийского посла волновало и то, как поведет себя молодая и неискушенная русская чета, оказавшись при незнакомом им дворе. В конце января 1761 г., накануне отъезда делегации, Эстерхази сообщал в Вену: «Поскольку означенный господин барон Строганов еще неопытен и в свои молодые годы дал больше надежд, чем из них оправдал, к тому же его жена, дочь господина канцлера, получила не лучшее образование, и это прекрасно понимают господин граф Воронцов и его супруга графиня, то они оба попросили меня, чтобы я откомендовал моему высочайшему двору и другим высоким местам их зятя и единственную дочь, дабы их малый опыт и возможные ошибки были по возможности милостиво извинены»²¹.

В конце января 1761 г., сразу по отъезде молодой четы в Вену, канцлер писал дочери: «Посылаю нарочно для тебя переведенную оперу, которая может быть по приезду вашем в Вену паки представлена будет, дабы ты знала содержание оной. Пожалуй, с примечанием несколько раз прочти и Александру Сергеевичу для его наставления отдай»²². Речь шла об опере «Алкид на распутье» («Alcide al bivio», в письме канцлера она названа «Алцид или Геркулес при двух путях») композитора Иоганна Адольфа Хассе (1699–1783) на либретто прославленного драматурга Пьетро Метастазии (1698–1782), впервые представленной в Вене по случаю бракосочетания эрцгерцога Иосифа (об этом свидетельствует жанр *festa teatrale*). Чтобы молодые люди лучше разобрались в сложной барочной символике, имя главного героя в составленном для них описании было заменено на «Молодой человек»; греческие имена других персонажей переведены на русский язык: Фроним — Разум, Аретей — Добродетель.

В письме от 9 февраля следовали рекомендации посетить в Кёнигсберге герцогскую Голштинскую фамилию, в Варшаве — навестить жену французского посла, ибо «сия дама особых качеств и весьма разумна»²³. Позднее барон Строганов из Варшавы спешил сообщить (дабы отвести любые сомнения относительно возможных нарушений церемониала, роняющих достоинство Российской империи): «Мне здесь как при дворе, так и у иностранных министров и прочих здешних знатных отказывается всякая отличность, сходственная с высочайшим Вашего императорского величества достоинством»²⁴.

Перед отъездом Строгановых в Вену граф Эстерхази весьма удачно вспомнил: когда в 1748 г. старший брат тогдашнего канцлера Михаил Петрович Бестужев (1688–1760) должен был отправиться послом в Вену, уроки этикета ему давал австрийский генерал [Фридрих Вильгельм?] Кеттлер²⁵. Теперь же, по замыслу Эстерхази, необходимые наставления молодой чете могла дать его собственная супруга Мария Сюзанна Анна

²⁰ Н. Эстерхази — В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 1 января 1761 г. // Ibid. Russland II. Kt. 44. Berichte Jänner — Maj 1761. Fol. 101r.

²¹ Н. Эстерхази — Р. Й. Коллоредо, Санкт-Петербург, 29 января 1761 г. // Ibid. Russland I. Russica 1761. Jänner — Juni. Fol. 10r.

²² Из писем. С. 459.

²³ Из писем. С. 460. Речь, по-видимому, идет о супруге маркиза Марка Антония Рене де-Польми д'Аржансона — Маргарите Фьо де ля Марш.

²⁴ А.С. Строганов — Елизавете Петровне, Варшава, 19 (30) марта 1761 г. // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. № 11. 1761. Л. 35 об. Копии писем А.С. Строганова о пребывании в Ревеле (Риге) см.: Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 1292. Русское историческое общество, г. Петербург. Оп. 1. Кн. 126. Л. 113–115.

²⁵ По-видимому, речь идет о генерал-майоре Кеттлере, который в 1747 г. побывал в Санкт-Петербурге с извещением о рождении у римско-императорской четы третьего сына — эрцгерцога Петра Леопольда.

(1722–1771, приемная дочь польского князя Т. Любомирского), жившая, пока муж служил по дипломатическому ведомству, в Вене²⁶. Письма Анны Михайловны к родителям, по-видимому, не сохранились, поэтому ценные сведения о путешествии приходится черпать из писем родителей к дочери. В Вене молодая женщина не знала недостатка в патронессах. Пока ее супруг выполнял дипломатическую миссию, заботу о юной русской аристократке взяли на себя не только «графиня Эстергазиева», но и графини «Квестенберша» и «Плетенберша»²⁷. Здесь речь, скорее всего, идет о сестре государственного канцлера Венцеля Антона Кауница (1711–1793) Марии Антонии Квестенберг (1739–1811) и графине Алоизии Плетенберг (1718–1796), с которой Анна Карловна Воронцова познакомилась в бытность в Ахене. Не зная, как отблагодарить венских аристократок, граф Воронцов с направлявшимся в Вену австрийским курьером передал дочери жестянку китайского чая²⁸: «Ты можешь оной отдать в подарок графине Квестенберговой, или пополам раздели с графиней Эстергазиевой, наведаясь прежде, любят ли они чай пить»²⁹.

Венский двор, по всей видимости, не менее своего посла был озадачен тем, что посланник русского двора имеет скромный чин³⁰. Выход был найден своеобразный — и в церемониальном протоколе, и в официальной газете «Wienerisches Diarium» А.С. Строганов был назван «камергером»: «В субботу 25-го текущего месяца после божественной литургии русский императорский камергер господин барон Строганов имел вступительную аудиенцию у его королевского высочества эрцгерцога Иосифа и ее королевского высочества его супруги и передал им комплимент от ее русско-императорского величества по случаю бракосочетания»³¹. Между тем, согласно «Русскому биографическому словарю», чин камергера А.С. Строганов получил в кратковременное правление Петра III³².

А.С. Строганов провел в имперской столице более двух месяцев, с середины апреля до начала июля, получил аудиенции у императорской четы, у наследника престола с молодой женой, которых, собственно, и прибыл поздравить, у младших эрцгерцогов и эрцгерцогинь³³. Каждый шаг барона контролировал и направлял граф Кейзерлинг. Венский двор также приставил к гостям из Санкт-Петербурга «камергера Кегловича» — венгерско-хорватского аристократа Йозефа Кеглевича (1721–1791/1792)³⁴, который многие

²⁶ ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Fol. 11v.

²⁷ Из писем. С. 466.

²⁸ Китайский чай, привезенный из России, пользовался в Австрии популярностью. Генерал-майор И.И. Шпрингер (1713–1771), находившийся при австрийской армии, писал: «Пред некоторым временем весь здешний генералитет просил меня выписать для них из России китайского зеленого чая, называемого жулан». См.: АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1758. Д. 9. Л. 16. И.И. Шпрингер — М.И. Воронцову, Моравия, 24 июня 1758 г.

²⁹ Из писем. С. 469.

³⁰ «В конституировании иерархически мыслившегося внутреннего порядка государственно-монархических союзов и их отношений друг с другом в высшей мере важная роль отводилась порядку рассадки и титулатуре, ибо они символически-перформативно утверждали этот порядок и тем самым легитимировали результат переговоров». См.: Windler Ch. Symbolische Kommunikation und diplomatische Praxis in der Frühen Neuzeit. Erträge neuer Forschungen // Alles nur symbolisch?: Bilanz und Perspektiven der Erforschung symbolischer Kommunikation / hrsg. von B. Stollberg-Rilinger, T. Neu, Ch. Brauner. Köln, 2013. S. 165.

³¹ Wienerisches Diarium. 1761. 29 IV. № 34. В записи в церемониальном протоколе об отпусковой аудиенции от 2 июля 1761 г. барон вновь назван камергером. См.: ÖStA. HHStA. Hofarchiv, Privat- und Familienfonde. Obersthofmeisteramt. Zeremonialprotokole. Bd. 24. Fol. 145v.

³² Половцов А.А. Строганов, Александр Сергеевич (обер-камергер) // Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1909. С. 488.

³³ Мария Терезия считала непременным условием воспитания эрцгерцогов и эрцгерцогинь их участие с самого раннего возраста в официальных аудиенциях послам иностранных государств. См.: Stollberg-Rilinger B. Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie. München, 2018. С. 468.

³⁴ Preradovich N. Das kroatische Element in der ungarischen Adelsnation // Ungarn-Jahrbuch: Zeitschrift für interdisziplinäre Hungarologie. Vol. 9. Regensburg. 1978. S. 65. Автор ошибочно называет Й. Кеглевича послом.

годы провел при Эстерхази в Испании и России, прежде чем по личной просьбе был отпущен на родину. Строганов писал тестю в Петербург: «Я не в состоянии изъяснить Вашему Сиятельству, сколь много милости я во время моего здесь пребывания удостоился. При всех случаях меня и Анну Михайловну с отличностью принимали, и их величества на впускной аудиенции оказали сожаление свое, что нельзя им удержать меня и жену еще несколько времени, весьма милостиво удостоверяя меня притом о своем совершенном удовольствии в рассуждении моего поведения»³⁵.

Кульминацией пребывания при венском дворе стало дарование молодому барону с супругой титулов графа и графини Священной Римской империи. В донесении от 4 июля (23 июня) 1761 г. А.С. Строганов писал: «Его Величество император по окончании со мною разговора изволил мне объявить, что, будучи весьма доволен мною, приказал дать мне на имперское графское достоинство диплом во знак особенного ко мне благоволения. С должною благодарностью принял я сию высокую милость, отзываясь, однако ж, что я осмелиться не мог носить пожалованное мне от Его Величества звание, пока не получу на то высочайшего самодержицы моей изволения, которого у Вашего Императорского Величества через сие всеподданнейше и испрашиваю»³⁶.

Миссия в Вену оказалась коротким эпизодом в богатой событиями биографии А.С. Строганова. Нелишне отметить, что это был один из первых в истории российской дипломатии случаев, когда чрезвычайного посла официально сопровождала супруга. Гордая за дочь Анна Карловна писала ей 24 апреля 1761 г.: «Ты дорогу показала российским молодым дамам»³⁷. Печальным итогом после возвращения на родину стало скорое расставание супругов, чья семейная жизнь никогда не была безоблачной. С воцарением на русском престоле Петра III Александр Сергеевич и Анна Михайловна оказались в разных придворных партиях: он выбрал сторону будущей Екатерины II, она — императора, фавориткой которого была ее кузина Елизавета Романовна Воронцова (1739—1792)³⁸.

Граф Эстерхази, которого в том же году наконец отозвали на родину, с полным правом причислял посольство Строганова к личным успехам: венский двор не выразил открытого недовольства скромным придворным чином чрезвычайного посла, а молодая чета, находившаяся под опекой австрийских аристократок, вела себя безупречно. Однако в истории российско-австрийских отношений визит графа Строганова стал едва ли не последним знаком «глубокого взаимопонимания двух дворов», как это обычно называлось в дипломатической корреспонденции, накануне кончины императрицы Елизаветы Петровны. После того как новый император в 1762 г. заключил с Фридрихом II сепаратный мир и Россия вышла из Семилетней войны, разорвав тем самым союзный договор с Австрийским домом, отношения между Санкт-Петербургом и Веной надолго вступили в фазу охлаждения.

Библиография

³⁵ А.С. Строганов — М.И. Воронцову, Вена, 23 июня (4 июля) 1761 г. // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. № 11. 1761. Л. 86—86 об.

³⁶ А.С. Строганов — Елизавете Петровне, Вена, 23 июня (4 июля) 1761 г. // Там же. Л. 80—80 об.

³⁷ Из писем. С. 465. Анна Михайловна была не первой супругой русского чрезвычайного посла, сопровождавшей мужа в поездке. В 1747—1748 гг. с поздравлениями по случаю рождения эрцгерцога Петра Леопольда в Вене побывал сын канцлера, граф Андрей Алексеевич Бестужев (1726/1728—1768), в сопровождении жены (Анны Петровны, урожденной Долгорукой) и матери. О других зарубежных поездках российских дворянок см.: *Lehr S.* “Als russische Adelige hatte ich die volle Freiheit zu gehen, wohin es mir gefiel”: Hochadlige russische Frauen auf Europareise (1769—1790) // *Prinzessinnen unterwegs. Reisen fürstlicher Frauen in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von A.C. Cremer, A. Baumann, E. Bender. Berlin — Boston, 2017, S. 191—218.

³⁸ Колмаков Н.М. Указ. соч. С. 592—593.

Анисимов М.Ю. Российский дипломат А.П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192.

Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014.

Волосюк О.В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. М., 2011.

Из писем графа Михаила Илларионовича и графини Анны Карловны Воронцовых к дочери их баронессе Анне Михайловне Строгановой в время путешествия ее за границей в 1761 году // Архив князя Воронцова: в 40 т. / сост. П.И. Бартенов. Т. 4. М., 1872. С. 459–479.

Колмаков Н.М. Дом и фамилия графов Строгановых, 1752–1887 // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 575–602.

Курочкин А.Е. Строгановы в XVIII веке: учебное пособие. М., 2009.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. Т. 1. Трактаты с Австрией. 1648–1762. СПб., 1874.

Писаренко К.А. Из семейной хроники рода Строгановых // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XIV. М., 2005. С. 9–71.

Половцов А.А. Строганов, Александр Сергеевич (обер-камергер) // Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1909. С. 485–488.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23. 1749–1761. М., 2003.

Сомов В.А. Франкофилия в семье графа Александра Сергеевича Строганова: космополитизм и национальное самосознание русской аристократии эпохи Просвещения // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 3. С. 311–321.

Хаванова О.В. Цена альянса: австрийская дипломатия и русский двор в годы Семилетней войны // Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания XVIII–XX вв. / отв. ред. М.Ц. Арзаканян. М., 2017. С. 109–121.

Хаванова О.В. Рождение цесаревича Павла Петровича и символическая коммуникация между Санкт-Петербургским и венским дворами // Человек на Балканах. Сборник памяти А.Л. Шемякина (1960–2018) / отв. ред. А.А. Силкин. М. – СПб., 2020. С. 51–68.

Шепкин Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758 гг. СПб., 1902.

Aus der Zeit Maria Theresias. Tagebuch Fürsten Johann Josef Khevenhüller-Metsch, Kaiserlichen Obersthofmeister 1742–1776 / hrsg. von R. Khevenhüller, H. Schlitter. Bd. 3. 1752–1755. Wien – Leipzig, 1910.

Frank K.F. Standeserhebungen und Gnadenakte für das Deutsche Reich und die Österreichischen Erblande bis 1806 sowie kaiserlich österreichische bis 1823 mit einigen Nachträgen zum “Alt-Österreichischen Adels-Lexikon” 1823–1918. 5 Bde. Schloss Senftenegg, 1967–1974.

Lehr S. “Als russische Adelige hatte ich die volle Freiheit zu gehen, wohin es mir gefiel”: Hochadlige russische Frauen auf Europareise (1769–1790) // Prinzessinnen unterwegs. Reisen fürstlicher Frauen in der Frühen Neuzeit / hrsg. von A.C. Cremer, A. Baumann, E. Bender. Berlin – Boston, 2017. S. 191–218.

Preradovich N. Das kroatische Element in der ungarischen Adelsnation // Ungarn-Jahrbuch: Zeitschrift für interdisziplinäre Hungarologie. Vol. 9. Regensburg, 1978. S. 43–95.

Stollberg-Rilinger B. Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie. München, 2018.

Szabo F.A.J. The Seven Years War in Europe, 1756–1763. London, 2008.

Windler Ch. Symbolische Kommunikation und diplomatische Praxis in der Frühen Neuzeit. Erträge neuer Forschungen // Alles nur symbolisch?: Bilanz und Perspektiven der Erforschung symbolischer Kommunikation / hrsg. von B. Stollberg-Rilinger, T. Neu, Ch. Brauner, Köln, 2013. S. 161–186.

References

Anisimov M.Iu. Rossiiskii diplomat A.P. Bestuzhev-Riumin (1693–1766) [Russian diplomat A.P. Bestuzhev-Riumin (1693–1766)] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2005. № 6. P. 175–192. (In Russ.)

Anisimov M.Iu. Semiletniaia voina i rossiiskaia diplomatiia v 1756–1763 gg. [The Seven Years War and Russian diplomacy in 1756–1763]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Iz pisem grafa Mikhaila Illarionovicha i grafini Anny Karlovny Vorontsovykh k docheri ikh baronesse Anne Mikhailovne Stroganovoi v vremia puteshestviia ee za granitse v 1761 godu [From the letters of Count Mikhail Illarionovich and Countess Anna Karlovna Vorontsov to their daughter Baroness Anna Mikhailovna Stroganova during her journey abroad in 1761] // Arkhiv kniazia Vorontsova: v 40 t. / sost. P.I. Bartenev [Prince Vorontsov's Archives: in 40 vols / ed. P.I. Bartenev]. Vol. 4. Moskva, 1872. P. 459–479. (In Russ.)

Khavanova O.V. Tsena al'iansa: avstriiskaia diplomatiia i russkii dvor v gody Semiletnei voiny [The price of the alliance: Austrian diplomacy and the Russian court during the Seven Years War] // Rossiia i Evropa:

istoricheskii opyt vzaimodeistviia i vzaimoponimaniia XVIII–XX vv. / otv. red. M.Ts. Arzakanian [Russia and Europe: historical experience of interaction and mutual understanding from the 18th to the 20th centuries / ed. M.Ts. Arzakanian]. Moskva, 2017. P. 109–121. (In Russ.)

Khavanova O.V. Rozhdenie tsesarevicha Pavla Petrovicha i simvolicheskaiia kommunikatsiia mezhdu sankt-peterburgskim i venskimi dvorami [The birth of Grand Duke Pavel Petrovich and symbolic communication between the courts of St.-Petersburg and Vienna] // *Chelovek na Balkanakh. Sbornik pamiati A.L. Shemiakina (1960–2018)* / otv. red. A.A. Silkin [The man on the Balkans. In memoriam of A.L. Shemiakin (1960–2018) / ed. A.A. Silkin]. Moskva – Sankt-Peterburg, 2020. P. 51–68. (In Russ.)

Kolmakov N.M. Dom i familiia grafov Stroganovykh, 1752–1887 [The house and family of Counts Stroganov] // *Russkaia starina* [Russian antiquity]. 1887. Vol. 53. P. 575–602. (In Russ.)

Kurochkin A.E. Stroganovy v XVIII veke. Uchebnoe posobie [The Stroganovs in the 18th century. Tutorial]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Martens F.F. Sbranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami: v 15 t. T. 1. Traktaty s Avstriiei 1648–1762 [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers: in 15 vols. Vol. 1. Treaties with Austria 1648–1762]. Sankt-Peterburg, 1874. (In Russ.)

Pisarenko K.A. Iz semeinoi khroniki roda Stroganovykh [From the Stroganovs' family chronical] // *Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian Archive: Homeland's history in evidence and documents from the 18th to the 20th centuries]. Vol. XIV. Moskva, 2005. P. 9–71. (In Russ.)

Polovtsov A.A. Stroganov, Aleksandr Sergeevich (ober-kamerger) // *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 12. Sankt-Peterburg, 1909. P. 485–488. (In Russ.)

Shechepkin E.N. Russko-avstriiskii soiuз vo vremia Semiletnei voyny, 1746–1758 gg. [The Russian-Austrian alliance during the Seven Years War, 1746–1758]. Sankt-Peterburg, 1902. (In Russ.)

Solov'ev S.M. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia from the earliest times]. Vol. 23. 1749–1761. Moskva, 2003. (In Russ.)

Somov V.A. Frakofiliia v sem'e grafa Aleksandra Sergeevicha Stroganova: Kosmopolitizm i natsional'noe samosoznanie russkoi aristokratii epokhi Prosveshcheniia [Frankophilia in the family of Count Aleksandr Sergeevich Stroganov: cosmopolitanism and national identity of the Russian aristocracy of the Age of Enlightenment] // *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2015. Vol. 16. Iss. 3. P. 311–321. (In Russ.)

Volosyuk O.V. Vneshniaia politika Ispanii v XVIII veke: stanovlenie ispano-russkikh otnoshenii [Spanish foreign policy in the 18th century: formation of the Spanish-Russian relations]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Aus der Zeit Maria Theresias. Tagebuch Fürsten Johann Josef Khevenhüller-Metsch, Kaiserlichen Obersthofmeister 1742–1776. Vol. 3. 1752–1755 / hrsg. von R. Khevenhüller, H. Schlitter. Wien – Leipzig, 1910.

Frank K.F. Standeserhebungen und Gnadenakte für das Deutsche Reich und die Österreichischen Erblande bis 1806 sowie kaiserlich österreichische bis 1823 mit einigen Nachträgen zum “Alt-Österreichischen Adels-Lexikon” 1823–1918. 5 Bde. Schloss Senftenegg, 1967–1974.

Lehr S. “Als russische Adelige hatte ich die volle Freiheit zu gehen, wohin es mir gefiel”: Hochadlige russische Frauen auf Europareise (1769–1790) // *Prinzessinnen unterwegs. Reisen fürstlicher Frauen in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von A.C. Cremer, A. Baumann, E. Bender. Berlin – Boston, 2017. S. 191–218.

Preradovich N. Das kroatische Element in der ungarischen Adelsnation. Ungarn-Jahrbuch: Zeitschrift für interdisziplinäre Hungarologie. Vol. 9. Regensburg, 1978. P. 43–95.

Stollberg-Rilinger B. Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie. München, 2018.

Szabo F.A.J. The Seven Years War in Europe, 1756–1763. London, 2008.

Windler Ch. Symbolische Kommunikation und diplomatische Praxis in der Frühen Neuzeit. Erträge neuer Forschungen // *Alles nur symbolisch?: Bilanz und Perspektiven der Erforschung symbolischer Kommunikation* / hrsg. von B. Stollberg-Rilinger, T. Neu, Ch. Brauner, Köln, 2013. P. 161–186.